

Елькина Екатерина Витальевна
Пермский край
10 класс

Ак

Выход: 11:11

Вход: 11:13

3012

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____

школы _____

51717

50 баллов

Анализ рассказа В. Набокова "Пассажир"

Наверное, каждый знаком с особой романтикой путешествия в поезде: стучат колёса, проплы়вают за окном бесконечные пейзажи, едва опускается в стакане тёплый чай, слово за слово якунтся задушевные разговоры со случайными попутчиками. Именно в такой обстановке рождаются, передаются из уст в уста истории — смешные и трагичные, душеподавительные и загадочные, но неизменно запоминающиеся надолго.

Именно к такой истории готовят нас "Пассажир" — название рассказа Владимира Набокова.

Однако разговор писателя и критика, с которого начинается рассказ, ясно даёт нам, читателям, понять, что нас ожидает нечто большее, чем одна из дорожных историй.

Рассказ имеет рамочную композицию.

"Обрамлением" для случая, произошедшего с главным героем — писателем, служит диалог этого писателя с неким ^(поэта) критиком. Такой приём — диалог писателя [✓] с противопоставляемой стороны (писатель — критик, писатель — читатель, писатель —

толя и т.д.) часто использовался русскими поз-
тами: Пушкиным, Достоевским, Некрасовым
и другими. В построенных подобным образом
произведениях писатели размышляли над
проблемами своего творчества, его смысла и
цели, его роли в жизни людей. В этом диа-
логе размышления иного рода: жизнь гораз-
до талантливее любого писателя, её творения
отличаются особым, размашистым, чуть неряшли-
вым почерком. Писатель же создаёт свои
произведения на основе жизненного материала,
выворачивая жизнь на свой лад - вот основ-
ная идея рассказа.

Главный герой рассказа - философ, он
стремится "во всём дойти до самой сути", он
размышляет, его идеи глубоки. Критик же,
в противоположность писателю, формалист
(все права закреплены за автором - говорит он о жизни)
он ironичен рассуждает на уровне твор-
ческих приёмов, словом - говорит писателю, как
сделал бы он, если бы умел. Не случайно
критик близорук, ведь передко в художествен-
ном произведении критики видят лишь то, что
хотят видеть. Он смотрит на писателя доб-

рыми глазами, как нередко смотрят на детей
или рассеянных чудаков.

Работа режиссёра с романом — метафора творчества писателя. ~~Писатель~~ Как режиссёр для достижения желаемого результата может пойти даже на изменение первоначального сюжета, так и писатель творит на основе жизненного опыта, но ему дано право додумывать, исправлять, менять героя и события, добавлять и опускать детали на своё усмотрение. Писатель в рассказе сравнивает писателя с режиссёром, а жизнь — с писателем.

Приём сравнения жизни с писателем, творчом, гением давно не нов и мог бы выглядеть затёртым. Но не у Владимира Набокова. У него этот приём обретает новое звучание — с его особым взглядом на вещи и его манерой изложения — неизторимой и всегда узнаваемой. Длинные предложения, почти каскады из них представляет собой «архитектурный ландшафт», собранный из причудливых сочетаний сложных конструкций, неожиданные сравнения (стук копёс — лестница), + К3

опицетворения и метафоры / поднимаящие и опускающиеся рыдания; Дорога, хлестнувшая хвостом; шагающая фабрика; окликнувший путников Шоколад...) — всё это позволяет создавать яркое и живое изображение действительности, погружает читателя в особый мир художественного произведения.

Случай, произошедший с писателем во время поездки, передан автором в лучших традициях детективных рассказов про Шерлока Холмса или мисс Марпл: тихую, уютную, волшебательно текущую действительность нарушает некое загадочное и страшное происшествие, заставляющее героя «проснуться среди ночи». Сон главного героя нарушает новый попугайчик, а точнее его... нога! Автор создаёт поразительный по своей яркости образ этой ноги — гадкий, недобрый, отвратительный, сразу же вызывающий неприязнь (один только торчащие волоски заставляют брезгливо поморщиться). И по одному только виду ноги, мелькнувшему в неверном ночном свете, герой (и мы вслед за ним) составляет не-

К5-Г

ние об этом человеке как о весьма неприятном субъекте. Даже полка, на которой он лежит, давит, не даёт спокойно дышать в его присутствии.

И вдруг — с верхней полки доносится рыдания! Нам, как и критику, сложно в это поверить. Автор использует довольно сильную антитезу: такому грубому мужчине приписывает рыдание — способ выражения чувств, характерный скорее для женщин, чувствительных особ с рассстроеными нервами... В этот момент любой нормальный человек понимает: если мужчина задыхается в рыдающих, захлебывается в слезах, значит в его жизни произошло действительно страшное событие, значит у этого "немистого" человека и совесть не чиста? Завязка получается ~~очень интересная~~ весьма интригующей...

Следующий "акт" разворачивается ранним утром. Автор создаёт невероятно лирическое описание природы, почти пастораль: светлое, солнечное утро, прудик, трогательные, поигрывающие домики, барёзьи, ослепительно сия-

ющие на солнце... И вдруг - диссонанс: судорожный скрип тормозов, серый полустанок, полиция, — и вот оно, то самое — убийство! Да ещё и двойное, да ещё и на почве ревности! Нечаянно появившийся в этот момент сыщик сравнивается с бут мекером. Так и хочется крикнуть: «Надо же, как стремительно развиваются события! Ещё чуть-чуть, и мы узнаем злодея. Делайте ваши ставки, господь!» Рассказ подходит к своей кульминации, сыщик вот-вот доберётся до человека, которого мы заранее записали в убийцы. Мы вслед за героям напрягаемся, ^{максимально} концентрируя своё внимание и...

К5 — И ничего, «ровно ничего особыенного» не происходит. Медийная, но при этом очевидная развязка дерзко обманывает читателя: спящий пассажир — вовсе не преступник, как мы решили несколько строк назад. Действительно, искусённые читатели привыкли, что любое литературное произведение — сложная система с мудрым сюжетом, неожиданными и одновременно очидствами

- по закону жанра поворотам. Однако жизнь не книга. Возможно, тот мужчина действительно рыдал по какой-то несущественной причине, и писатель, упомянув об этом в своём рассказе, мог бы заставить читателя, уже созданного в своём воображении картину чулаского разоблачения преступника с гадкой ногой, удивлённо перечитать этот отрывок, и, откинувшись в своём мягкому кресле возле камина, со смехом воскликнуть: "А ларчик-то, оказывается, просто открывается!" И добавить: "Ай да хитрый-писатель, провёл, словно малого ребёнка."

Вполне возможно, такая нескромно прозаичная развязка разочарует читателя, жаждущего фееричного финала. Здесь я не могу не вспомнить развязку повести "Роковые яичко" М. А. Булгакова. Читая её, под конец начинаешь строить в своём воображении картины грядущего апокалипсиса, одну страшнее другой, ожидешь чего угодно... Но не заморозка в середине лета, с лёгкостью уничтожившего змениную армаду, с которой не могли справится -

Ку+

ся люди. Для, чтобы создать такую развязку требуется, наверное, даже большее искусство, чем для паросного финала, ожидаемого читателями и почти невозможного в реальной жизни.

Любое художественное произведение имеет жизненную основу, но эту основу автор пропускает через себя, через фильтры своего восприятия, перекраивает на свой лад, подгоняя словно под выкройку, под определенные каноны, характерные для данного жанра. Как Бог — творец земли, так и писатель — творец собственного мира. Однако если Господь создал мир из ничего, то писатель творит на основе уже существующей жизни. Но будучи творцом, он всё-таки имеет право создавать, а точнее преиспит в этом мире нечто своё, переделывать его, что-то выбирать как наиболее существенное, а что-то опускать, одним словом — жульничать. Именно так автором раскрывается проблема соотношения реальной жизни и творчества, мира художественного произведения.

~~Неважно~~
~~своё иное~~

По законам художественного, действительного, у него же литературного мира есть свои законы. Но у реальной жизни таких законов нет. Жизнь не придаёт судьбе человека определённый характер, не подготавливает события, не подсказывает нам примечательные детали, у её макрофона нет единственной расшифровки. В жизни случай правит сам.

"В жизни много случайного, но и много необычайного".

Но, как говорится, случайности не случайны, ничего в этом мире не происходит просто так. В этом смысле жизнь можно разгадывать бесконечно. События жизни можно интерпретировать по-разному. Чем то, на первый взгляд, понятное требует глубоких размышлений, а ответ на труднейшие вопросы подчас лежит на поверхности.

сторонний
человек не
оправдывает

Да, жизнь во много раз талантливее любого писателя. Однако писателю дан особый дар — это дар слова. Слову дано высокое право из случайности создавать необычайное!

как
получше!

ность, необычайное делать не случайным⁹.

Как скульптор из куска мрамора, данного природой, создаёт прекрасную статую, отсюда всё лишнее, так и писатель из неё ятного и податливого материала жизни, подчёркивая важное, изменяя форму и ради тся над содержанием, создаёт художественное произведение.

$K_1 = 20$ Дух автора прост и лёгок

$K_2 = 11$ при достаточно глубоком

$K_3 = 8 = 50$ содержании. Историко-литера-

$K_4 = 7$ турный материал не поражает

$K_5 = 4$ оригинальностью, но приводит

к месту и ощущению.

Однако автор увлекается рассуждениями и неумело теряет связь с уверенным наблюдением, в начале разбросаны слова, на конец крепка

Курилова И.В.

Рыжков В.В.